

КСЕНИЯ ПОЛОЗОВА

ВОДОЛАЗ КОНОВАЛОВ И ЕГО КОСМОС

Во весь голос

Ксения Полозова

Водолаз Коновалов и его космос

Издательский дом «Городец»

2023

УДК 82-821
ББК 84(2Рос-Рус)6

Полозова К.

Водолаз Коновалов и его космос / К. Полозова — Издательский дом «Городец», 2023 — (Во весь голос)

ISBN 978-5-907641-37-2

Бывают в жизни периоды, когда сны и мечты все настойчивее вторгаются в нашу реальную жизнь. Главному герою этой книги предстоит пройти дорогой видений, которые откроют перед ним тайны семейного прошлого, расскажут многое о нем самом и том мире, в который он попал, отправившись ненадолго погостить в тихий приморский городок. Человеческие истории наглухо заперты за красной дверью, а снаружи то ласкает и баюкает, то наказывает и лишает надежд синее бескрайнее море.

УДК 82-821
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-907641-37-2

© Полозова К., 2023
© Издательский дом «Городец», 2023

Содержание

Утопленник	6
Табурет	8
Щука	10
Космонавт	12
Звонки	15
Фаина	21
День второй	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ксения Полозова

Водолаз Коновалов и его космос

© Полозова К., 2023

© ИД «Городец», 2023

*Моему мужу Александру Никитину с благодарностью за все, что
здесь написано*

Утопленник

Из черного жерла упавшей бутылки тек жирный перламутровый ручеек шампуня. Там, где он впадал в ванну, струя воды взбивала белую пахучую пену. Вода вокруг была мутной, словно не водопроводной, а речной. Как будто реку по трубам пустили неочищенной, полной ила и песчаной взвеси. Пенный замок возносился над краем ванны и пластмассовой мыльницей, росли его причудливые башенки, возводились укрепления. Мужчина, лежавший в ванне, смотрел на причуды пенной архитектуры равнодушно. Да и не смотрел он вовсе, просто лежал, откинув голову, уставив глаза в потолок. Он думал о том, каково это – утонуть. Стать одним из тех, кого находили в озерах и реках – недвижимым, холодным, равнодушным. Вспомнил, как было страшно, когда он впервые погружался за утопленником.

– Юр, ты его не бойся. Ты скажи ему: «Привет! Давай подниматься наверх!» – учил руководитель спуска.

– Привет! – сказал Юра, увидев утопленника издали, и зачем-то помахал ему рукой. Вода была необыкновенно прозрачной, хоть пей. Утопленник смотрел на него не мигая и вдруг плавно повел рукой, будто приглашая. Он покачивался возле здоровой коряги, и солнце играло на его сине-зеленом животе.

– Нет, лучше уж вы к нам, – тихонько, чтобы не обидеть покойника, пробормотал Юра. Подплыл ближе, недоумевая, почему тот не двигается с места.

Сердце колотилось, как в детстве, когда казалось, что коснувшаяся ноги тина – волосы утопленницы, мистической обитательницы бабушкиного пруда. «Так и не нашли ее... И осталась она, бедняжка, сторожить, чтоб никто глубоко не заплывал», – говорила бабушка Нюра маленькому Юрику, поправляя на нем плавки и растирая полотенцем. Юрик испуганно озираясь на воду, из которой его только что изгнали за предательскую синеву на губах. Едва обсохнув, он возвращался в пруд и снова пугался холодных липких прикосновений.

– Тс, – шикнул сердцу Юра и подплыл ближе. Утопленник не мог никуда уплыть. Огромные корни поваленного дерева цепко держали его за плавки. Одной рукой ухватившись за сигнальный конец, другой Юра попытался отцепить проклятый корень, но ничего не вышло. – Надеюсь, ты не против, – заручился согласием утопленника Юра, достал нож и распорол плавки. Труп начал медленно подниматься, словно только и ждал свободы. – Вот так, а теперь пойдем домой, – подхватив его под мышки, Юра стал продвигаться по ходовому концу наверх, но почему-то обернулся. Коряга махала ему вслед красным флажком плавок.

Юрий открыл глаза. С горлышка лежащей на краю ванны бутылки свисала последняя капля. Пенный замок потерял былое величие, расплылся белыми хлопьями по мутной воде, которая уже норовила перелиться через край. Он медленно встал, отчего замок окончательно осел. Юрий завернул кран, дернул за цепочку. Пробка вышла нехотя, с тихим протестующим хлопком. Также нехотя вышел из ванны Юрий Коновалов, бывший водолаз, бывший кандидат в мастера спорта по плаванию, бывший матрос, бывший муж Марины Самойленко. Ныне же, согласно его собственным размышлениям о самом себе, полнейшее никто.

Пока он вытирал жестким после стирки махровым полотенцем правую ногу, левую ногу, руки одну за другой, водосток шумно всосал в себя остатки мыльной воды. На стенках ванны остался серый налет грязи, пены, волос. Юрий ополоснул ванну, защелкнул пузырек из-под безвозвратно и никчемно утекшего шампуня.

Вошел в пустую кухню, достал из висящего на ручке двери пакета лоток с лапшой быстрого приготовления, залил его водой из сиротливо стоящего на столе нового электрического чайника, извлек из целлофана пластиковую вилку и сел за пустой стол ждать, когда заварится обед.

Вилки, ложки, ножи, тарелки, обе кастрюли, сковороду и разделочную доску – Марина забрала все. «Это нам на свадьбу подарили, которую, между прочим, мои родители оплачивали!» – аргументировала она свое бытовое мародерство. Доску было особенно жалко. Толстую деревянную доску в форме дельфина они купили в Сочи в первое после свадьбы лето, одновременно ткнув в прилавок пальцем. Весь день Юра таскал ее с собой – на пляж, и в кафе, и вечером уже в караоке. День Деревянного Дельфина был самым счастливым днем их семейной жизни.

При сборах, неспешных и вдумчивых, сопровождаемых долгими Мариниными рассуждениями о ее правах на вещи, доска была упакована на дно коробки со смешной надписью «утварь», завалена прокладками («Это тебе точно не нужно»), утюгом («В кладовке старый найдешь, он, правда, течет немного») и новогодними игрушками («Ты же не будешь елку наряжать»).

Елку он наряжать не собирался, в этом Марина была права. Но, к сожалению, это была вся доступная ему информация о собственном будущем.

Табурет

Будущее поступило с Юрием Коноваловым подло. Оно маячило перед ним обнаженной девой, искушало, призывало, очаровывало, пело сладким голосом дивные песни, но стоило ему приблизиться – дева обернулась чудищем, которое разжевало его, перемололо кости, высосало кровь и выбросило шкурку на клетчатый линолеум кухни: «Отдыхай, Коновалов, восстанавливайся!» Последние три слова оно произнесло ему в ухо прокуренным голосом начальника приморского центра водолазных работ, коротко пикнуло и замолчало.

Который день он сидел на кухонном табурете, уставившись на силуэт дельфина на стене – след шести лет их с Мариной супружества. Дельфин сохранил магазинную чистоту бежевых обоев, не дал заляпать их жиром, не позволил потрудиться над вверенным ему участком солнечному свету. Дельфин определенно оставил свой след в Юриной жизни – чистый, сияющий отпечаток молодого счастья, новизны ощущений, обстановки, имен, которыми они с женой наделили друг друга, планов, которые они построили.

Тогда море наполняло их будущее, дул в завтрашний день легкий бриз, щекотал планы прибой. В то время Марина не могла говорить ни о чем другом. Выбирала квартиру с видом на море, скупала на распродажах купальники и пляжные сумки, потихоньку паковала вещи.

Для Юры грядущие в обозримом будущем перемены были не просто сменой места жительства, работы, климата и окружения. Его не трогали Маринины мечты о вечном лете и красивом загаре. Он думал о море как о чем-то живом, ждущем его, нуждавшемся в нем. Море любило его, он любил море.

Впервые Коновалов почувствовал это, оказавшись в седых горьких балтийских водах, где он служил. Тоска по дому растворилась, как соль в супе, и он поймал себя на мысли, что не хочет и даже боится приближающегося дембеля.

Устроившись на гражданке водолазом в поисково-спасательный отряд, он ждал возвращения того волшебного, манящего чувства дома. Но в мутной июньской воде Истринского водохранилища понял, что ошибся. Чувств было много: обнаружили страх, радость, легкое нетерпение, гордость, даже тщеславие. А ощущения воссоединения со своей стихией не возникло.

Со временем море стало для него единственной целью и смыслом, единственной темой его разговоров и размышлений. Марина, быстро отыскав в стремлении мужа выгоду для себя, присоединилась к нему. В ее мечтах о переезде на черноморское побережье было куда больше практического и бытового. Но без этого тоже никак, успокаивал себя Юра, ей положено думать о доме, она как-никак женщина.

Он не без помощи знающего, кажется, всех водолазов на свете Коляна нашел работу на море. Для этого потребовалось повысить класс с пятого на шестой, пройти переподготовку с его третьей, спасательной, на первую-вторую, техническую, группу специализации и сдать экзамены. На все эти улучшения потребовалось чуть больше года, и в середине декабря он получил на руки трудовую книжку с записью «Уволен по собственному желанию». Такая же пометка появилась в трудовой книжке Марины. Билеты взяли на первое февраля. Оставался еще месяц, чтобы собрать и отправить в их новую приморскую жизнь вещи, уладить все московские дела, попрощаться с родными и друзьями.

Весь этот месяц Коновалов радовался пересоленной Марининой ухе, запах и вкус которой пели ему о море. Радовался покрасневшему в начале декабря горлу, которое требовалось полоскать ярким желто-зеленым раствором фурацилина. Он вспоминал, шумно бултыхая в гортани мерзкую горькую жидкость, как бабушка, уговаривая его, маленького простуженного Юрика, полечить горло, сулила ему анапский рай. Мол, вода в море на вкус такая же, привыкай. И Юрик привыкал, давясь ненавистным фурацилином.

Их грандиозные планы рухнули без всякого предупреждения, как рушится крыша во время пожара. Марина успела выбежать, а Юрий остался сидеть на табурете, придавленный обугленной балкой.

Пожар был вовсе не метафорой, отчего Марине было обидно вдвойне.

– Если бы ты не полез туда... Если бы мы не поехали на эту чертову дачу... Если бы эта дура внимательнее за детьми следила... Если бы пожарные приехали раньше...

Она все выдумывала новые условия, при которых их мир остался бы прежним, планы воплотились в жизнь, внутренние органы Коновалова остались чисты и здоровы, и морской прибой по-прежнему шумел у подножия ее будущего.

Для Юры не существовало альтернативной истории. Он сделал то, что сделал, и ожог легких – не самая большая плата за жизнь мальчика Димы. Конечно, Дима не станет космонавтом и водолазом тоже не станет. Возможно, он будет плохо учиться в школе и уже подростком начнет пить много и некрасиво, как его отец, но это будет потом. Главное, что и в следующем году он с мамой и сестрой нарядит елку и найдет под ней подарок от Деда Мороза, а это уже немало.

А что Коновалов елку наряжать не будет, так невелика беда. Про то, что он сам, героический Юрий Коновалов, спасший из пожара пятилетнего мальчика, не станет космонавтом и водолазом тоже не станет, думать не хотелось. Но пожизненный запрет на погружения он уже получил, и приморский центр более не нуждался в его услугах.

Три месяца и три дня Юрий, сухопутный, безработный, сидел на кухонном табурете и молчал. Марине эта деталь их кухонного интерьера представлялась орудием Юриноного преступления. Именно его она считала символом их развода и главным аргументом в день, когда ушла, унося вилки, ложки, две кастрюли и дельфина. Она забрала бы и табурет в свою новую жизнь, но Коновалов так прочно сидел на нем, что Марина махнула рукой.

– Сиди, Юрочка, сиди. Только я с тобой сидеть не хочу. Ты мне море обещал! Где оно, твое море?

Не поспоришь, моря у Юры не было.

Щука

Раздался телефонный звонок – первый на этой неделе, если не считать ежевечерних коротких разговоров с мамой.

– Юран, привет! Ты как там вообще? – от бодрого голоса Паши веяло пеной для бритья и зубной пастой. Коновалов инстинктивно погладил подбородок, поросший многонедельной щетиной.

– Привет, – ответил он совершенно небритым голосом.

С тех пор как Юра сел на старый кухонный табурет рассматривать сперва деревянного дельфина, а потом след от него, Паша не позвонил ни разу. Правда, и Коновалов о друге не вспоминал. Стоячие воды его депрессии не допускали мысли о движении, а Паша был трансатлантическим течением, способным сбивать корабли с курса, что уж говорить о Коновалове с его табуретом.

– Я тут подумал, – повторил Паша, вклинившись в поток коноваловских воспоминаний, – чего бы нам на рыбалку не съездить? Костерок, удочки, комары дребезжат, с осени не кормленные. Короче, собирайся, я поворачиваю к тебе во двор.

В подтверждение его слов за окном раздался благородный бас его клаксона. Путей к отступлению Паша Коновалову не оставил.

– Ты пойми, Юран, жизнь на этом не кончилась, – рассуждал Паша, с неприятным жестяным звуком сминая очередную пивную банку.

– А что кончилось? – уточнил Коновалов, не сводя глаз с мелкой ряби на речной воде.

– Карьера твоя водолазная кончилась, да и та – не совсем. Ты же в эти, как у вас, старшины...

– Руководители спуска, – поправил Юра.

– Вот, в руководители, – многозначительно вытянул указательный палец Паша, – мог пойти?

– Мог, – равнодушно ответил Коновалов.

– А чего не пошел?

– Не хотел.

Этот неоспоримый аргумент сбил уверенного в своей мысли Пашу с курса.

– Ну, хорошо, а в инструкторы? Или как они там у вас... – попробовал он исправить положение.

Юра улыбнулся левой стороной рта, правая при этом даже не дернулась.

– Ладно, возьмем Марину, – объявил Паша полную капитуляцию во всем, что касалось водолазного дела.

– Где же мы ее возьмем, Пашунь? – усмехнулся Юра, которому попытки друга провести сеанс психотерапии начали надоедать. В этот момент леска натянулась, Паша засуетился, начал сыпать советами, тянуть к спиннингу руки. Юра цыкнул на него, напрягся, подсек, зажужжал катушкой, вываживая, и шлепнул оземь длинную узкую рыбу.

– Щука, Юран, гляди, щука! – пританцовывал вокруг улова довольный Паша. Рыба приплясывала вместе с Пашей, кувыркалась, хлопала по мокрой траве то головой, то хвостом, отчаянно разевала пасть с острыми зубами. Стекланные глаза не выражали ни страха, ни отчаяния, ни безысходности. Юра смотрел на нее, выброшенное на берег безучастное существо, лишенное всяких эмоций, желающее только одного – вернуться в воду. Рыба замерла, затихла, лишь губы продолжали шевелиться с мерзким хлюпающим звуком. Тогда Юра подошел к ней, поднял бережно двумя руками, поднес к реке. Скользкое тело дернулось, оттолкнулось от его ладоней и исчезло в речной воде, обдав их с Пашей холодными брызгами.

– Удивительно, как к ней вернулась жизнь, когда она попала в воду, – медленно проговорил Юра, глядя туда, где блеснула в последний раз щучья чешуя.

– Ты охренел, что ли? Это ж щука была! Я отродясь ничего крупнее пескаря с рыбалки не привозил! Надо мной даже кошки Светкины смеются! А ты щуку выбросил! Ты знаешь, кто после этого... Знаешь, кто? – Паша замялся, выбирая из всех пришедших ему в голову слов наиболее обидное.

– Отвези меня домой, Паш, – все тем же снулым голосом попросил Коновалов.

– Щука ты, Юран, – выдохнул Паша и принялся сматывать удочки.

Во двор въехали затемно. Юра припарковал машину, сунул ключи к себе в карман и молча пошел к подъезду. Паша бежал за ним с криками «Отдай ключи!».

– Думаешь, раз ты непьющий, тебе все можно? Думаешь, ты особенный какой? – Паша схватил друга за рукав уже у лифта. Язык его, обычно быстрый, сейчас заплетался. – Ну и чего, что ты погружаться не можешь... не можешь... Я, когда перестаю мочь, – Паша икнул, – ищу другую, куда (снова икнул) можно погрузиться. Марина ушла... Ирина пришла (икнул)... Ирина ушла... Полина пришла...

Паша засмеялся и запел популярную в их детстве песню, поменяв в ней имя:

– Пá-лина-палина́, Пáлина-Пали́ на ай-на-на...

Юра включил свет в прихожей, скинул куртку, показал на спальню:

– Ты там ложись, а я на диване, – и, не сказав больше ни слова, ушел в гостиную.

На диване Юрий спать не любил. Когда они ссорились с Мариной, она запиралась в спальне. Коновалов в такие ночи долго ворочался, подгоняя строение своей грудной клетки под внутреннее устройство дивана. А когда наконец пружины и ребра совпадали в единственной возможной комбинации, подступала обида, наваливалась, ворочала его вокруг оси, и терялась с таким трудом подобранная схема соединения. Но в эту ночь все сложилось само собой. Юра просто лег и погрузился в глубокий сон.

Погружался он быстро, нарушая все возможные инструкции, но ему не было страшно. Десять секунд – и вот он уже стоит на самом дне своего сна. Оглянулся вокруг – дно песчаное, вода чистая, как лес, тянутся вверх водоросли. Он пробежал глазами по ярко-зеленым стволам и даже рот открыл от изумления. Наверху были звезды. Таких звезд он не видел даже на юге, где они, как всем известно, ближе и ярче. Они светили холодным пронзительным светом. Юра начал их узнавать и приветствовать короткими дружескими кивками, как музыкант на сцене, увидевший в зрительном зале знакомые лица. Вон та, в дальнем ряду партера, – Бетельгейзе («Привет, Бетельгейзе!»), чуть левее – красный Марс. Сириус! «Здравствуй, Сириус!» Звезды мерцали ему в ответ. Юра спохватился, что не видит Луны, начал растерянно крутить головой, нашел и радостно замахал ей рукой. И только тут понял, что рука-то у него голая. Да, точно голая – вот ногти, кутикулы, складки на пальцах, шрам чуть ниже локтя, родимое пятно на плече. Юра с головы до пят был голым, даже плавок на нем не было. Он вдохнул поглубже, чтобы закричать, и спохватился. Маски и трубки – не было, не было баллонов, не распирал рот жесткий загубник. Он дышал под водой, как на суше. Луна меж тем приближалась, пока не превратилась в огромный рыбий глаз. Глаз смотрел на него, разглядывал, и не было в нем ни страха, ни отчаяния, ни безысходности. На Юру смотрела давешняя щука.

– Отпустил ты меня, – прошлепал зубастый рот нежным девичьим голосом, – теперь желай, чего хочешь.

– Я хочу быть космонавтом, – почему-то сказал Юра.

Блеснула перед ним серебряная чешуя, ноги оторвались от песка, и он понесся вверх, к звездам. Вода становилась все светлее и тоньше и наконец вздыбилась над ним огромным замком. Юру окутал запах пены для бритья.

– Слышь, я тут подумал, – произнесла сиплым мужским голосом Бетельгейзе, – ты, когда щуку отпустил, желание-то загадал, Емеля?

Космонавт

Когда Юра Коновалов появился на свет, в правом кулачке он сжимал пуповину. Младенец никак не хотел разомкнуть синюшные пальчики и, лишь когда осматривавший его врач надавил на ладошку, отпустил свой трофей и зашелся надрывным плачем. Он судорожно вдыхал воздух и орал так, что уставшая роженица Коновалова М. Е. поднесла руки к вискам и закрыла глаза.

Этого момента не помнил никто. Ни врач, которому через пару дней надоела байка о первом подобном в его практике случае («Прикинь, он за пуповину держался, будто думал, что обратно по ней заберется»). Ни мать Коновалова, в родовой суе не заметившая этого факта. Ни сам Коновалов, которого гуманная человеческая природа наградила младенческой амнезией.

Первым, что он помнил, был белый потолок. Под ним – желтые цветы на обоях, мама, бабушка, дедушка и кто-то еще, кого в сознательном возрасте Юра не мог найти.

«Смотри, как ему нравится! Юре нравится? Нравится летать, а?» – повторял мамин голос, а другой голос, мужской, кричал «Вжу-у-ух!», и в это мгновение комната, диван, шторы теряли свою устойчивость, качались, удалялись, и наступал самый страшный миг, когда исчезали руки, только что державшие его, и он оставался один в пустоте, в утратившем привычное положение вещей мире. В это мгновение он хохотал особенно громко, и этот смех был квинтэссенцией его страха, такого огромного, какой обыденным плачем выразить было нельзя.

– Ишь как заливается! – это голос бабушки. – Космонавтом будет, как Гагарин!

– Космонавт Юрий Коновалов, Советский Союз! – говорил все тот же голос – исполнитель невыносимого «вжу-у-уха». Голос ярко пах одеколоном.

В тот же вечер мамыны руки засовывали его правую ногу, левую ногу, руки одну за другой во что-то мягкое, теплое, безопасное. Оно обволакивало его, защищало голову, шею. Для обзора оставалось лишь маленькое отверстие, через которое было видно мамино лицо. И этого было достаточно.

Позже, из фотоальбома, он узнал, что надевали на него стального цвета комбинезон с большим капюшоном. На капюшоне была вышита алая звезда. Комбинезон в самом деле напоминал скафандр.

Из того же фотоальбома следовало, что одеколонный голос принадлежал мужчине с широкой улыбкой, короткой черной бородкой и темными, чуть навывкате глазами. Борода скрывала губы и подбородок мужчины, но сравнительный анализ верхней части лица позволил Юрику признать в нем отца.

Самое странное, что ни до, ни после запуска юного Коновалова в космос этот человек в воспоминаниях Юры не появлялся. Свадебное фото, на котором бородач надевал на мамин палец кольцо, однако, в альбоме присутствовало, что исключало случайность Юрикова зачатия. Все эти умозаключения Юра сделал уже в сознательном возрасте, когда одноклассники снабдили его сведениями о зачатиях вообще и случайных в частности. Паша, по его собственному признанию, появился на свет благодаря последнему, чего его мать от него никогда не скрывала.

Судьба же человека, наградившего Юру лупоглазостью и дурацкой фамилией, была покрыта тайной. Его имя произносилось лишь в составе Юрикова отчества, а свадебное фото однажды исчезло из альбома. Вместе с ним исчезли и две другие карточки: на одной Коновалов-старший улыбался в камеру, обнимая беременную жену, на другой – держал на руках младенца в скафандре со звездой на лбу.

Звездная траектория коноваловского будущего была придумана его дедом, руководителем авиамодельного кружка при Доме культуры, и подпитывалась вдохновенными фантазиями

его бабушки. В детстве она окончила одну с легендарным Юркиным тезкой школу рабочей молодежи и часто рассказывала, как однажды ходила с ним на танцы. Положа руку на сердце, она не могла с уверенностью утверждать, что именно тот паренек, с которым она танцевала, полетел спустя десять лет в космос. Но услужливая девичья память соединила партнера по кадрили, утратившего за давностью лет лицо, и навсегда запечатленную в памяти современников улыбку Первого Космонавта. С того апрельского дня, когда лицо Гагарина, а затем и его биография появились во всех советских газетах, Нюра Котельникова, выпускница одной с космонавтом шаромыги, ощутила свою причастность событию исторического масштаба. И, само собой, внук женщины, так коротко сблизившейся с Вселенной, не мог избрать иной стези, кроме покорения просторов космоса. На имени Юрий настояла, конечно, она, отметив, что хоть тут зять пригодился, предоставив внуку подходящее для великого замысла отчество.

Дед Юрика, Евгений Иванович Леонтьев, в бабушкиного Гагарина не верил. «Хорош заливать», – обрывал он романтические воспоминания о Юрочке. Но портрет в деревянной рамке со стены не снимал, а за ужином многозначительно показывал внуку на великого тезку и раз за разом излагал план завоевания космоса: «Учись, Юрий, хорошо. В авиационное с тройками не берут! И КМС нужно получить! И курить не смей! Выпорю!»

Сам Юрик, однажды напуганный «вжухом» и последовавшей за ним внезапной потерей опоры под мышками, в космос лететь не хотел. Избегал он и любимых всеми его сверстниками качелей. Лодочки его не привлекали, на цепочке неизменно тошнило, американские горки, на которые его уговаривала сесть мама, заставляли бледнеть и плакать. Коновалов отвергал невесомость.

Тем временем составленный дедом план выполнялся успешно. Оценок ниже четверки в дневнике у Юрия не появлялось, в курении он замечен не был. Немного раздосадовало деда, что из всех возможных видов спорта внук выбрал плаванье, но к пятнадцати годам мальчик получил кандидата в мастера спорта, и это примирило Евгения Ивановича с Юркиным выбором. Так или иначе, все шло по плану.

Никто из старших и не догадывался, что плаванье было вовсе не случайным решением, не следованием детской моде. В представлениях Юрика он шел по стопам своего таинственного отца.

– Был, да сплыл, – ответила однажды мама на Юркин вопрос о его втором родителе.

Она не догадывалась об особенной памяти сына и о том, что тот уже постиг тайну своего происхождения из легкомысленно оставленного на книжной полке альбома.

– А что значит «сплыл»? – переспросил мальчик.

– Ну это как... как... уплыл!

С тех пор Юра представлял, как его чернобородый отец, голый по пояс, в черных шароварах, стоит у берега моря на огромном плоту.

– Прости, сынок, я бы взял тебя с собой, но ты не умеешь плавать, – говорил ему на прощанье папа и отвязывал веревку, удерживающую плот. Он уплывал вдаль, красный флажок трепыхался на шесте, и гулко хлопали на ветру огромные мокрые шаровары.

Впервые оказавшись в бассейне, Юра поразился кристальной чистоте воды. До этого он купался только в пожарном пруду у бабушки в деревне, том самом, где водилась утопленница с липкой тиной волос. Вода в нем была мутная, дно илистое, вязкое, по поверхности его воды носились водомерки, и жирные пиявки оставляли на коже сине-черные засосы.

В пахнувшей хлоркой воде бассейна кроме его товарищей и Алексея Львовича не водилось никого и видно было каждый шов на бирюзовой плитке, укрывающей дно и стенки.

Имя тренера пробудило было у Юры надежду: вот он, плавающий Алексей, его пропавший отец, сбрил бороду, нанялся в бассейн тренером, чтобы научить своего сына, Юрия Алексеевича, плавать. И скоро они уплывут на плоту с красным флажком в дальние дали.

Вскоре выяснилось, что фамилия тренера не Коновалов, а вовсе наоборот – Моисеев, и у него есть другой сын, старше Юрика на два года. Вновь потеряв отца, Юра принялся тренироваться с небывалым усердием.

Каждую тренировку он словно догонял воображаемый плот – быстрее, выше, сильнее. Он брал золото без всякого энтузиазма, но с одной только надеждой, что его фамилию увидит в газетах тот, кто его Юру наградил. Отец так и не появился.

Дедушка в качестве пригодного для Юрика безвоздушного пространства воду не рассматривал. Душа его устремлялась ввысь, сквозь атмосферу и стратосферу мимо орбитальной станции «Мир» к самой ручке ковша Малой Медведицы, за четыреста сорок семь световых лет (плюс-минус год). Вечерами он сидел с Юриком над картой звездного неба и повторял все известные ему мнемонические правила:

– Смотри, Ящерица сидит на спине Пегаса, Лев держит в зубах Рака, два Пса преследуют Единорога... Запоминаешь?

Юра запоминал вяло, без желания. Под его подушкой лежал другой атлас, «Обитатели морских глубин», согласно которому рак был не скопищем белых точек, а сложным организмом с клешнями и антеннами.

Двадцать третьего марта две тысячи первого года, в одиннадцатый Юрин день рождения, его стихия впервые одолела и поглотила дедушкину мечту. Орбитальная станция «Мир» канула в недра Тихого океана. Ушли под воду обломки дедушкиной мечты вместе с оставленными на ней Библией, Кораном и фотографией Юриноного тезки.

Юра тихо торжествовал. Он представлял, как вода заливает базовый блок, как рыбы заселяют лаборатории, как сказочно прекрасные медузы плавают там, где ранее плавал в невесомости космонавт Падалка. Одного не учел ликовавший Юра – МКС уже нарезала круги вокруг Земли.

Одиннадцатый класс Юра окончил кандидатом в мастера спорта, обладателем трех золотых медалей за плаванье и одной – за отличную учебу. Любое высшее военное авиационное училище было открыто для него, оставалось выбрать цель. Именно на этапе выбора произошло то, чего Евгений Михайлович Леонтьев в своем плане не предусмотрел – он умер. Сделал он это скоропостижно, не оставив никаких напутствий потомку.

Лишившись наставника и главного идеолога своего запуска в космос, Юрик растерялся настолько, что пропустил все сроки подачи документов. Поглощенные горем вперемешку с похоронными хлопотами женщины, не умевшие без Евгения Ивановича ступить и шагу, проморгали этот невинный саботаж и спохватились только на сороковой день.

– Зато смотри, Женя, какого космонавта ты вырастил! – хлюпя носом, причитала на могиле мужа замотанная в черный головной платок бабушка Нюра. – Юрий Алексеевич Коновалов, Советский Союз...

Первое, что пришло на ум Юриной маме, – нет такой страны. И только потом она поняла, что будущий космонавт стоит сейчас рядом с ней, на кладбище, вместо того чтобы маршировать с другими курсантами по плацу военного вуза.

Впрочем, марши и плац были не за горами. В ноябре лоботряс, недоумок, а еще медальку дали, хорошо, что дед не дожил, позор семьи и бестолочь Юра Коновалов явился по повестке в районный военкомат. Майор, заглянув в его личное дело, коротко спросил:

– В водолазы пойдешь?

Юра кивнул так же коротко.

Звонки

Первый был от Паши.

– Слышь, Емеля, я тут подумал... – Пауза. Паша ждал реакции, Юра не реагировал.

Отпущенная рыба обрекла Коновалова ходить в Емелях ближайšie пару месяцев, что, впрочем, его не беспокоило. Так что Коновалов молчал. Паша не выдержал первым:

– Если щука твоя тебя не отблагодарила, давай я щукой буду. В смысле, джинном... – снова замолчал. Юра по-прежнему ничего не говорил.

– Эй, ты слышишь меня вообще? – заорал Паша в трубку.

– Слышу. Давай, – спокойно ответил Юра.

– Что давать? – не понял Паша.

– Давай ты будешь щукой... Или джинном... Как тебе больше хочется...

– Да ну тебя, придурок, – обиделся Паша, – почту проверь, потом мне позвони.

Почтовый ящик проинформировал Юрия, что Павел Рачков прислал ему новое сообщение. Как такового сообщения Павел Юре не присылал, но к пустому письму был прикреплен билет на рейс Москва – Геленджик, с отправлением десятого июня в одиннадцать пятнадцать из аэропорта Внуково. В качестве пассажира был указан Коновалов/Юрий А Г-Н.

Телефон снова завибрировал.

– Не благодари! – радостно предупредил джинн Паша, хотя Юра и не собирался благодарить.

– Пашунь, у меня слов нет... – с этих слов должна была начаться отказная речь Коновалова. Он хотел обсудить с другом невозможность этой поездки, ненужность этого билета и излишнюю заботу.

– Привезешь мне коньяка, ага? – захлебываясь от восторга, крикнул Паша.

– Паша, – начал было Юрий, но в трубке раздались короткие гудки.

Разумеется, Коновалов не собирался никуда лететь. Он собирался сидеть на своем табу-рете с призраком дельфина. Коньяк Пашке купить было нужно, с этим он был согласен. Один тот факт, что он нашел Юрины паспортные данные, тянул на VSOP.

Юра уже вошел на кухню и почти сел на свое место, как раздался следующий телефонный звонок. Номер был незнакомый.

– Юрий Алексеевич, добрый день, – ворвался в его ухо неприятный женский голос. – Меня зовут Светлана Ивановна, агентство недвижимости «Золотая рыбка».

– Да вы сговорились, что ли? – возмутился Коновалов.

– Простите? – дернулась в ответ Светлана Ивановна. – Ваша супруга Марина сказала, что вы будете дома. Мы можем подъехать через час?

– Зачем? – удивился Юра.

– Квартиру покупателям показать, – удивилась в ответ Золотая Рыбка.

– Зачем? – еще больше удивился Юра.

– А вы не в курсе? – еще больше удивилась в ответ риелторша. – Марина обратилась в наше агентство с просьбой продать квартиру.

– Какую квартиру? – Юра никак не мог понять, что происходит.

– Ну как же! – Светлана Ивановна, в свою очередь, тоже не могла понять, что происходит. – Восьмой этаж, две комнаты, шестьдесят три квадратных метра, санузел раздельный, балкон застеклен, два взрослых собственника.

Разумеется, ни о какой продаже квартиры речи быть не могло. Его до глубины души возмутил тот факт, что Марина даже не обсудила с ним этот вопрос. Снова раздался телефонный звонок.

– Юра, привет, – зашебетала Марина. – Я звоню тебя предупредить. Мы же все равно квартиру продавать собирались, так вот там Света, мой риелтор, нашла покупателей. Она будет звонить тебе сегодня.

– Уже, – проворчал Юра, которого Марино щебетание окончательно вывело из себя. – Но я не намерен...

Марина его не слушала:

– А еще мне вчера Паша звонил, твои паспортные данные спрашивал. Ты на море летишь? Молодец! Хватит сидеть на табурете! Там сейчас хорошо. Ирка моя на прошлой неделе вернулась, говорит, удачно комнату нашла. Я тебе скину номер хозяйки, позвони ей. Ладно, мне пора. Приберись там, они уже почти готовы купить. Рада была поболтать!

Номер она действительно прислала. Вечером Юра увидел непрочитанное СМС: «Фаина Дм.», – и подчеркнутый тонкой полосой синий номер телефона, который, сам не понимая почему, Коновалов набрал.

– Добрый вечер, – ответил ему певучий женский голос.

– Добрый вечер, меня зовут Юрий. Мне дали ваш телефон, сказали, что у вас можно снять комнату.

– Что же, Юрий, спасибо, что вы позвонили. Когда вы планируете приехать? – Голос этой Фаины Дм. был полон какого-то знакомого аромата. Он пах теми духами с крышкой в форме высокой спирали, какие Юра однажды подарил Марине на день рождения. Марина духами не пользовалась – берегла для особого случая.

– Подруга жены. Бывшей... – зачем-то уточнил Коновалов. – Через неделю, десятого. Вы сможете меня принять? – Он очень испугался, что она сейчас скажет, что комнаты заняты, попросается и он больше никогда ее не услышит. Он даже подумал, что в случае отказа поменяет билет на другую дату.

– Подождите, я проверю. – Она отложила телефон, и Юра услышал тихий шелест страниц. – Да, я оставлю комнату за вами. Приезжайте, я буду ждать.

Всю неделю вспоминал он этот голос, объяснял себе куда как доходчивей, что она говорит так всем отдыхающим, что она просто хозяйка комнаты, в которой он будет жить, что он будет платить ей за это. Снова и снова он решал не лететь, и тогда голос сам собой возникал в его голове и манил. Четыре раза он держал палец над дисплеем телефона, но набрать номер не решался. На пятый раз позвонил.

– Добрый вечер, Юрий, – ответил телефон. Ласково, тихо, нежно.

– Добрый вечер. – Даже дыхание перехватило от того, как она ответила. Стало быть, и номер у нее определился. – Я просто хотел узнать, в силе ли наша договоренность...

– Прилетайте, я жду вас, – с усмешкой ответила Фаина. Кажется, она все понимала.

– А как у вас с погодой? – надо было придумать другой вопрос, но Юрий не придумал.

– Солнечно, до плюс тридцати двух, температура воды плюс двадцать пять, ночью временами дождь.

– У нас тоже солнечно, – зачем-то поделился Коновалов ненужной его собеседнице информацией. Она отнеслась к этому благосклонно.

– Готова спорить, наше «солнечно» солнечнее вашего. И дождь, который временами, тоже солнечней, даже ночью.

Спустя неделю половина денег, вырученных от продажи квартиры, лежала на банковском счете Юрия, все его вещи были помещены в старую спортивную сумку, такси до аэропорта было вызвано на шесть часов утра. Мама, к которой он поехал попрощаться, к новостям о продаже квартиры и поездке на море отнеслась равнодушно. По ее мнению, жизнь сына была разрушена не пожаром и травмой, а тем Унизительным, Непростительным Поступком, произошедшим в Дни Большого Горя. Именно так она всегда и говорила, начиная каждое слово с заглавной буквы: «Унизительный и Непростительный Поступок в Дни Большого Горя». Пафосная фор-

мулировка возводила неподанные Юриком документы в один ряд с предательством Родины, клятвопреступлением и отцеубийством.

Никакая спасенная им жизнь, никакое достижение, никакой успех, положенные на одну чашу весов, не смогли приподнять хоть на миллиметр другую, на которой лежал отказ Коновалова от космоса.

– Ты никогда не спрашивал моего мнения, сынок, не спрашивай и теперь, – сказала она на прощанье. Не поцеловала, не обняла, только виновато взглянула на фотографию покойных бабушки и деда и покачала головой, мол, простите его, дурака, мы его вместе растили.

Дед и бабушка посмотрели на Юру строго. Бабушка даже поджала губы, как она всегда делала, когда сердилась. Сказать они ничего не могли, потому что смотрели с фотографии. Иначе завели бы знакомую с детства песню о Гагарине и его подвиге, о том, что он, Юрик, недостоин носить имя, данное ему при рождении, а одну только фамилию, которую не жалко и опозорить. Бабушка повторила бы, как она рада, что дед не дожил, ведь он всю жизнь посвятил внуку, а тот его предал, обменял уготованную ему героическую стезю космонавта на сомнительную водолазную. Хорошо, что они не могли ничего этого сказать.

– Ну да... Журналисты одолели, – соврал Юра. После пожара журналисты действительно звонили несколько раз, хотели узнать подробности происшествия, но два дня спустя про Юру уже никто не вспоминал. Подоспели другие плохие новости.

Номер он поменял, чтобы именно Серега, Колян и Михалыч не могли ему дозвониться. Коновалов не хотел отвечать на их расспросы, отбрыкиваться от уговоров вернуться на станцию руководителем спуска или пойти в школу дайверов инструктором.

– Я на море еду, – сообщил он свою главную новость.

– Ай молодец! – похвалил Колян. – С Маринкой? На пээмжэ? Как собирались? Взял-таки тебя Дорофеев? Это хорошо! Такой водолаз, как ты, без работы на море не останется.

«Я больше не водолаз», – хотел ответить Юра, но промолчал и со счастливой улыбкой кивнул в ответ.

Они травили старые байки и анекдоты, учили молодого тонкостям водолазного дела, смеялись, хлопали друг друга по спине, пили чай, сделали пару кругов по озеру. Юра вдыхал запах речной воды, тины, дыма от мангалов, вокруг которых праздновали лето москвичи. Он слушал писк комаров, плеск воды, детский смех на мелководье, крики потных мамаш: «Костя, вылезай немедленно, я кому сказала!» Запоминал, запечатывал в сердце, чтобы увезти с собой на море, подарить при случае ждавшей его Фаине как сувенир из столицы.

«Зачем Фаине потные мамаша? На море таких знаешь сколько?» – возразил его внутренний голос, и он выбросил мамаш, сложил туда довольный лай Максима и залихватский свист Михалыча. Он не знал, зачем Михалыч свистнул, но сделал это так хорошо, что не стыдно было взять такой неслыханно прекрасный свист.

Выброшенный из памяти голос все еще дребезжал над водоемом:

– Костя, Костик! Вылезай!

Тревога, появившаяся в этом неприятном визге, была едва уловимой. Скорее не тревога, а ее призрак. Словно кричавшая сама не решила, пришла пора испугаться или еще нет.

– Костя! Ты где? Не пугай меня! Костя! – Женщина кричала где-то совсем близко, метрах в двадцати.

Мужчины замерли, прислушиваясь.

– Костя! – Призрак тревоги окреп, начал наливаться ужасом и отчаянием.

Не обменявшись ни словом, Серега и Михалыч наскоро собрали снаряжение, махнули молодому, и все трое прыгнули в лодку. О Коновалове они забыли, будто его тут и не было.

Юра, не мигая, глядел на воду. В ушах звучал крик другой женщины, стоявшей на коленях в сугробе возле пылающего дома. Суетились вокруг соседи: кто-то снимал видео, кто-то тащил ведра с водой, словно этим можно было помочь.

В ту минуту Коновалов не принимал никаких решений. Просто схватил рыдающую женщину за плечи и твердо спросил: «Где он может быть?»

Пробираясь в густом синтетическом дыму в детскую, подумал, что напрасно полез, что шансов найти ребенка в этом аду у него нет и лучше было дожидаться пожарных. Но тут наткнулся на что-то колючее, еще не тронутое огнем. Перед ним стояла новогодняя елка, чтоб ее. Вдруг маленькая рука ухватила его за голую щиколотку.

Но того мальчика спас водолаз Коновалов, которого больше не существовало. А тому Коновалову, который стоял на берегу озера и слушал женские вопли и рев моторки за зарослями камыша, не найти было бы в горящем доме маленького мальчика, нечего и пытаться. Он и не пытался. Теперь это была не его работа.

Юрий не стал дожидаться возвращения бывших коллег, развернулся и пошел по ухабистой дороге в сторону шоссе.

– Костя! Костя! – Ветер швырнул ему вдогонку женский плач. Коновалов надел наушники и включил радио на полную громкость.

Он не помнил, как проснулся, как выпил кофе, как сел в такси. Моросил мелкий утренний дождик, и Коновалов задремал, прислонившись лбом к холодному стеклу. Проснулся оттого, что водитель окрикнул его. Поблагодарил, взял сумку, направился к входу. У больших стеклянных дверей стояла Марина, идеально покрашенная, с неизменной укладкой, в коротком белом платье с гигантским розовым чемоданом.

– Ты что тут делаешь? – изумленно спросил Коновалов тем голосом, который у него был до ожога.

– Привет. – Она обхватила его двумя руками и прижала свои губы к его лицу. От нее омерзительно пахло табаком. Похоже, она снова начала курить. – Я подумала, зря я так с тобой. Все-таки мы муж и жена... Пока смерть не разлучит нас, помнишь?

– Марина, мы разведены. Загляни в паспорт, там все написано, – удивительно, что голос вернулся. Юра привычно прокашлялся, но в этом не было необходимости, голос был точно такой, как до пожара – ясный и чистый – никакой хрипоты. До ожога ему было все равно, как он звучал – голос как голос, не шепелявит, не картавит, не визжит. Когда он впервые заговорил, еще в больнице, испугался. Голос стал низким, глухим и сирым, как при ангине. После долгого молчания он выходил из Коновалова как из воздушного шарика, с едким свистом. Первое время говорить было больно, поэтому Юра разговаривал редко. А когда связки зажили, молчал по привычке и еще потому, что говорить этим чужим хриплым баритоном ему не хотелось.

И вдруг голос вернулся, и вернулась Марина. Вместе вернулись, как сговорились. Оказалось, что его старый тембр, по которому он так скучал, ему вовсе не нравится. Слова, произнесенные этим голосом, казались незначительными. Даже мощное «Мы» было похоже на мышинное попискивание.

Маринин голос тоже оказался неосновательным, пресным, словно недоделанным. Оказалось, что она гнусавит, и с интонациями у нее слабовато. Юре захотелось прогнать бывшую жену, чтобы в его уши не влетали ее вялые скучные предложения. Предлагала Марина следующее:

– Юра, я совершила ошибку! Пожалуйста, давай начнем все сначала, как планировали – на берегу моря. Я квартиру сняла, двухкомнатную, пятый этаж, санузел отдельный. Тебе понравится!

Они прошли досмотр и теперь двигались к стойке регистрации. Коновалов шагал быстро, Марина едва успевала за ним со своим дурацким розовым чемоданом.

– Коновалов, поговори со мной! – требовала она. – В конце концов, мы летим вместе.

Коновалов молчал. Ему не хотелось произносить ни слова загадочно вернувшимся к нему бесхребетным голосом. Нужно было вспомнить, что он вчера съел или выпил, что повлекло

такие быстрые изменения в его гортани, и попробовать это исправить. Не исключено, конечно, что все это время его связки заживали, заживали и, наконец, зажили, хотя доктор Слепцов говорил, что изменения голоса необратимы.

Еще нужно было понять, что делать с Мариной и ее розовым монстром. Ехать с ней в двухкомнатную квартиру он не хотел. Ему нужно было к Фаине. Везти ее с собой к Фаине он тоже не хотел. «Впрочем, черт с ней, пусть летит в свою двушку с отдельным санузлом, дело ее». Он, Юрий Коновалов, согласно последней печати в паспорте, – свободный человек и летит к женщине с удивительным голосом, которая ждет его на берегу моря.

Регистрация уже началась, но возле стоек не было ни одной живой души. Он подошел, протянул открытый паспорт.

– Коновалов Юрий Алексеевич, – протяжно произнес знакомый женский голос. Он взглянул на говорившую и лишился дара речи. Может, это было к лучшему, ему все равно не нравилось, как эта речь звучит. За стойкой регистрации сидела его покойная бабушка Нюра, во фланелевом халате в цветочек с неизменным траурным платком на голове.

– Ты не к той стойке подошел, внучек, – прошамкала она, – регистрация в космос в противоположном конце зала. – Она поднялась и ткнула пальцем в воздух, едва не попав Юре в глаз. Он едва успел увернуться. За стойкой регистрации у него за спиной стоял дедушка Женя, в руках у него была табличка с Юриным именем.

– Мне нужно на море, – голос окончательно сломался. Ему на смену вернулся тот, от которого он с облегчением избавился лет в четырнадцать. Слова «на море» прозвучали омерзительным фальцетом.

– На море ему нужно! Мы лучше знаем, что тебе нужно! Совсем без нас распоясался, – крикнула бабушка. Он почему-то послушно снял с весов дорожную сумку и поплелся через зал туда, где ждал его дед.

– Самойленко Марина Геннадьевна, – ласково проговорила у него за спиной бабушка, – ставь чемодан на ленту, милая.

Дед смотрел строго и молчал. Коновалов покорно протянул ему паспорт. Евгений Иванович принялся подолгу разглядывать каждую страницу. Задержался на графе «Воинская обязанность», внимательно прочел, погладил чернильную подпись указательным пальцем. На странице «Семейное положение» недовольно помотал головой и поднял на Юрика глаза.

– Что же ты, сынок, творишь? От космоса увильнуть пытаешься? Не получится! – перелистнул страницу с печатью о выписке с места жительства, шлепнул на следующую страницу темно-синий оттиск и вписал туда своим крупным разборчивым почерком «Международная космическая станция». Он протянул паспорт Юрику со словами: – Теперь проходим на посадку!

Дед показал рукой в окно, где среди скучившихся маленьких испуганных боингов высилась ракета «Союз». Юрик закинул сумку на плечо и пошел к гейту восемь, над которым горели три буквы – МКС.

– Плечи расправь, голову подними, ты же будущий космонавт, – кричал в спину дед. Слова разлетались эхом по безлюдному залу аэропорта.

В аэропорту Коновалов дал хорошие чаевые таксисту, который разбудил его на цифре три обратного отсчета старта ракеты. Сквозь стеклянную дверь с красными буквами «В», «Х», «О», «Д» он увидел плывущий по ленте ярко-розовый чемодан, кинулся было обратно в машину, но такси уже отъехало, и другого пути, кроме как внутрь, у него не было. Розовый чемодан уже исчез, смешался с пестрой толпой. Неприятное *déjà vu*, вызванное утренним кошмаром, постепенно рассеивалось, пока не сменилось радостным волнением человека, едущего в отпуск. Это волнение на грани эйфории пропитало насквозь стены аэропорта, увешанные огромными рекламными фото. Оно заполнило воздух до самого недосягаемого потолка, под

металлическими балками которого Коновалов насчитал с полдюжины упущенных невнимательными малышами воздушных шаров. На неудобные серые скамейки садились замученные работой граждане, их лица медленно расправлялись, разглаживались и светлели, будто их накачивал счастьем невидимый насос. У прилавков кафе с немислимыми ценами, нацарапанными мелом на черных табличках, канючили дети. Их отцы, размягченные скамейками до блаженной отпускной щедрости, прикладывали к терминалу набитые деньгами пухлые банковские карточки.

Коновалову внезапно захотелось тоже присесть на скамейку. Он присел сперва осторожно, откинулся на спинку и замер, позволяя счастью заполнить себя до краев. Может, показалось, а может, и впрямь сработало, но последнее послевкусие страшного сна исчезло, а на его место пришло непреодолимое желание приложиться пластиковой картой Visa к какому-нибудь терминалу.

Ближайший терминал располагался в парфюмерном магазине как раз напротив. Тяжелый парфюмерный чад заставил его закашляться, грудь сдавило, запершило в горле. Он хотел быстрее убраться, поискать другой, менее пахучий терминал, но увидел тот самый флакон духов с высокой золотой спиралью крышки, какой он когда-то подарил Марине. Не задумываясь, Коновалов взял их с полки и прошел в кассу.

Включая в телефоне авиарежим, он увидел сообщение от Фаины: «Встретить не смогу. Возьмите такси». Далее был указан адрес.

Почему-то, представляя свою встречу с Фаиной, он ни разу не озаботился ее правдоподобностью. Чаще всего они бежали друг другу навстречу по безлюдному пляжу, оставляя следы на песке: его – глубокие, отчетливые, ее – едва различимые. Откуда бежали, почему босые, куда делась его тяжелая сумка – об этом он ни разу не подумал. Были еще и такие встречи: он заходил в маленькое кафе на набережной, в шейном платке и в белой рубашке с широкими рукавами – и впрямь похожий на актера Дворжецкого. Фаину, сидевшую за столиком иногда справа, а иногда слева, безошибочно узнавал среди всех посетителей, доставал из-за спины букет сирени и садился напротив. Представляться не имело смысла – она и так знала, кто он, и ждала его там. Откуда в июне взялась сирень, почему он одет в эту странную вычурную одежду, его мало заботило.

Реальность оказалась прозаичнее некуда: в аэропорту Юрий взял такси и за немаленькие, даже по московским меркам, деньги был доставлен к утопающему в зелени палисаднику, за которым прятался белый двухэтажный дом с ярко-красной двускатной крышей. Он толкнул калитку и подошел к входной двери. Сбоку на косяке висели один под другим два одинаковых звонка. Коновалов надавил на тот, что был помечен цифрой один, услышал перелив где-то в доме, подождал с минуту, надавил еще раз.

Телефон завибрировал, и на экране появилось слово «Входите». Коновалов вошел, громко окликавая хозяйку по имени.

Фаина

– Дмитриевна, – настойчиво поправила его хозяйка квартиры. – Снимайте обувь и проходите на кухню, Юрий.

– Алексеевич, – буркнул Коновалов, развязывая шнурки. Кажется, в первый раз она его вот так поправила, и это было неприятно. Ишь принцесса Монако, Дмитриевна она. Он тоже не пальцем делан.

– Кухня прямо по коридору, – уточнила Фаина. Дмитриевна.

Коридор был длинным, темным и узким. Правая стена была сплошь утыкана дверьми, при этом каждая была выкрашена в свой цвет. Всего дверей Юрий насчитал пять: красную, зеленую, фиолетовую, белую и синюю. За синей дверью коридор поворачивал к просторной кухне-террасе. Стен в кухне не было – только окна, прикрытые старомодными занавесками, расшитыми в технике ришелье, которой в совершенстве владела Юрина бабушка.

В центре кухни за накрытым ажурной белой скатертью столом сидела очень старая женщина. Она раскладывала пасьянс. Коновалов растерянно огляделся, но никаких других людей там не было.

– Здравствуйте, извините, я, видимо, не туда свернул... – залепетал он. – Я ищу Фаину...

– Дмитриевну, – снова добавил знакомый женский голос. При этом старухины губы, накрашенные красной помадой, шевельнулись.

– Дмитриевну, – послушно повторил Коновалов.

Он посмотрел на старушку удивленно и даже напуганно. Ему на долю секунды показалось, что это розыгрыш и сейчас из-под стола вылезет настоящая Фаина. Он решил заглянуть под стол и даже нагнулся, якобы чтобы поставить сумку на пол.

– Не ищите, кроме нас, дома никого нет, – улыбнулась сидевшая за столом женщина. Голос у нее был Фаинин. Ее пальцы с аккуратным маникюром отложили в сторону карты рубашкой вверх. – И не смущайтесь. Ваше удивление нормально, и мне не только понятно, но и привычно. Не могу сказать, что лично меня не устраивает отсутствие возрастных изменений в моем голосе. Скорее расстраивают такие изменения во всем остальном.

Она постучала указательным пальцем по верхней карте в колоде:

– А я вот жду, когда вы войдете, Юрий Алексеевич. (Черт, услышала все-таки. Некрасиво вышло.) Представляете, третий день пасьянс не сходится. Как думаете, сейчас получится? Мне очень нужен король.

Коновалов пожал плечами. Откуда ему знать, сойдется ее пасьянс или нет.

– А давайте вы следующую карту откроете, – предложила Фаина Дмитриевна. – У вас рука легкая?

– Не знаю, – снова дернул плечами Юрий. Так часто он не дергал ими с девятого класса.

– Вот и проверим. – Она подвинула ему колоду. – Я, перед тем как пасьянс начать, всегда желание загадываю. Старая детская привычка. И так обидно, что не сходится. Очень хочется, чтобы сбылось.

– Я тоже однажды желание загадал, да только все напутал. – Юрий чуть было не рассказал про шуку и Пашу, но осекся. Подумает еще, что он псих. Он протянул руку и перевернул карту.

– А вот и вы! – радостно воскликнула Фаина Дмитриевна. Нарисованный на старой игровой карте чернобородый король пик действительно был похож на Юрия как две капли воды. Та же аккуратная бородка, длинные черные волосы. Ему стало не по себе, даже мурашки по коже пробежали.

– Вы нарочно это, да? – обиделся он, заподозрив хозяйку в розыгрыше.

– Бросьте, не обижайтесь, я просто хотела вас развеселить. Не думала, что получится так жутко. Я правда не знала, какая там карта. – Она взяла короля в руки и вложила его в пасьянс. – Вы, наверное, хотите заселиться? Ваша комната с синей дверью.

Она оставила пасьянс, скинула с ног покрывало, и только тогда Коновалов увидел, что она сидит в инвалидном кресле.

– Помощь не предлагать! – быстро и резко предупредила Фаина Дмитриевна, проворачивая сильными ловкими движениями огромные колеса. – Когда будет нужно, я сама попрошу.

Она ловко вписалась в поворот и остановилась перед синей дверью.

– Санузел за фиолетовой, я живу за зеленой, в красную прошу вас не входить, – даже привычную хозяйскую скороговорку, отполированную до зеркального блеска, ее голос не проговаривал, а пропевал, как бают сказки маленьким детям. – Вот ваши ключи, золотой от входной двери, серебряный – от комнаты. После одиннадцати, пожалуйста, не шумите, посторонних в дом не приводите, ладно? Кофеварка, микроволновка, холодильник на кухне, ваша полка – верхняя. Постельное белье меняйте раз в неделю, грязное складывайте вон в ту корзину, чистое берите у меня, хорошо? Вас все устраивает?

Юра глянул на белый плетеный ящик в дальнем углу прихожей, кивнул, взял ключи и открыл дверь.

– Тогда отдыхайте... Если возникнут вопросы, я на кухне, – произнесла заточенная внутри старухи Фаина. Коновалов остался один.

Он бросил в угол комнаты свою дорожную сумку и буквально рухнул на кровать. Нужно было бежать, спастись от этой старой карги, унести ноги, пока она не запекла его в печке и не съела на завтрак. Напуганный Юрик прислушался – из коридора доносилось тихое пение.

– Нет у нее никакой печки, – ответил напуганному Юрику храбрый Коновалов, – и никакая она не ведьма. Просто женщина, у которой с возрастом не изменился голос.

– Но ведь в голосе все и дело! Я же поехал только потому, что голос ее услышал! – возмущался Юрик. – Она же мне только сейчас сказала, что она Дмитриевна, а не просто Фаина.

– Так голос-то куда не делся! А то, что ты, хам, к ней по имени до этого ни разу не обратился – не ее вина! Или она должна была паспорт тебе предъявить, чтобы ты год рождения посмотрел, прежде чем к ней в постояльцы определиться?

– Храбрый Коновалов дело говорит, – признал кто-то третий, скорее всего, сам Юрий.

– А чего она меня о погоде... Солнце у нее солнечнее... – некрасиво передразнил Юрик.

– Так ты ей сам позвонил, помнишь? И вовсе не к ней ты ехал, а к морю. Вот и иди к морю. И кончай ныть, – у храброго Коновалова заканчивалось терпение.

– Правильно, кончай, – повторил сам Юрий, окончательно встав на сторону своей разумной половины. Он натянул плавки, оделся, взял полотенце, ключи и вышел из комнаты.

На море моря не было. Было бесчисленное множество разнокалиберных тел, непонятно, мужских или женских. Каждого из них Юрий готов был спасти, не моргнув глазом, вытащить, сделать каждому искусственное дыхание, но лечь среди них, стать частью этой человеческой мостовой было выше его сил. Всю вторую половину дня он бесцельно бродил по набережной: ел вареную кукурузу, сидел одетым на песке, наблюдая за тем, как трое малышей строят замок. Они возводили башню за башней из теплого вязкого песка, а потом набежавшая волна, посильнее своих предшественниц, смывала их соборы святого семейства, и строительство начиналось заново. Коновалову хотелось и самому строить башни, он мог бесконечно смотреть на этот процесс. Но лежавшие поодаль мамыши забеспокоились при виде наблюдавшего за их отпрысками подозрительного одетого мужчину и поспешили забрать малышей.

Коновалов присел рядом с недостроенным, набрал полную пригоршню песка вперемешку с водой и начал потихоньку лить на самую высокую башенку. Она росла так стремительно, что Юра начал представлять, что еще чуть-чуть, и она достанет до неба и вознесется сквозь атмосферу и стратосферу, мимо МКС, к самой ручке ковша Малой Медведицы.

– Дядя, это наш замок, – обиженно произнес детский голос. В эту же секунду волна набежала и смыла устремленную ввысь башню с лица Земли.

– Костик, быстро возьми совочек и иди ко мне. Иди сюда, я кому говорю! – Прав был Коновалов, что не потащил из Москвы этот бабий визг.

Стемнело. В иссиня-черном небе переливалось неоновыми цветами всевидящее око чертового колеса. Юрий брел домой по шумному променаду, похожому на слоеный пирог – из каждого ресторана неслась своя песня, возле каждого стоял веселый зазывала и приглашал зайти. Такие же, как он, отдыхающие скупали мороженое и облака сладкой ваты, пили пиво и лимонад, ели красных вареных раков. На пляже было совсем пусто. За громоздящимися друг на друге пластиковыми шезлонгами и клеенчатыми матрасами шумело море. Он наконец-то встретил его. Огромное, живое, доброе море уносило куда-то оставленный днем мусор и приносило другой мусор из других мест, словно передавало привет от обитателей одного курорта гостям другого. Он спустился по бетонной лестнице к воде, присел на большой камень, еще горячий после жаркого дня. Ему о многом нужно было поговорить с морем.

– Как ты? Устало? – спросил Юра и ласково погладил набежавшую волну.

– Очень, – ответило море шепотом, видимо, чтобы отдыхающие на набережной его не услышали.

– И я устал, – пожаловался Юра. – Нет, не так, как ты, конечно... Но у меня такая беда случилась...

– Какая, Юра? – спросило море.

– Я больше не могу быть водолазом, – ответил Коновалов.

– Это плохо, – вздохнуло море. – Я на тебя рассчитывало.

– Прости, – сказал Коновалов, поднялся и пошел к лестнице.

– Эй, Коновалов! – окликнуло вслед море. – Ты завтра придешь?

– Я к тебе каждый день приходиться буду, – обернувшись, ответил Юра.

Море успокоилось, зашуршало и затихло. Коновалов пошел домой. Ему хотелось принять душ, выпить горячего чая и лечь спать. День начался так давно, что казалось, что доживает его другой человек.

На кухне горел свет. Коновалов, успевший смыть с себя и частички московской пыли, и запах аэропорта, и налипший на пальцы песок, и остатки утреннего разочарования, остановился в дверях. Фаина Дмитриевна сидела за круглым столом, сложив руки на коленях и закрыв глаза. То ли спала, то ли дремала, а может, вовсе померла. Коновалов тихонько постучал в раскрытую дверь. Фаина открыла глаза.

– Юрий, добрый вечер. Как прошел ваш день? – спросила она.

– Спасибо, прекрасно, – соврал Юрий. От звука ее голоса во рту снова появился горький вкус несбывшейся надежды.

– Купались? – Она наклонила голову набок и смотрела на него, не мигая, как учительница, ждущая правильного ответа.

– Да, – почему-то снова соврал он, но тут же исправился, – то есть, если честно, нет. Не смог.

– Мне кажется, я вас понимаю, – сказала она осторожно. – Однажды, давным-давно, мне пришла в голову метафора... Надеюсь, вы простите мне такую откровенность... Как будто море – женщина, которую насилует эта толпа потных тел. Мне стало так нестерпимо жалко его... Не знаю, откуда пришел этот образ, но прогнать я его не смогла. С тех пор избегаю городских пляжей, боюсь увидеть там что-то преступное и непристойное.

День второй

Проснулся коновалов около полудня. Ему очень хотелось холодного кефира. Он оделся, вышел из комнаты, но вместо того, чтобы свернуть к двери на улицу, заглянул в кухню.

Фаина Дмитриевна сидела в своем инвалидном кресле и отбивала пальцами левой руки ритм песни, звучащей в ее наушниках. Глаза ее были закрыты. Юрий замер в дверях, глядя на босые стопы, торчавшие из-под зеленого пледа, накинутого на колени. Пальцы ног были уродливо вывернуты в стороны, словно когда-то их выломал с силой какой-то изувер.

– Имя ему – Старость... – неожиданно произнес ее чудной голос.

– Чего? – Коновалов был смущен. Не стоило так пялиться на ее ноги, следовало уважительно опустить глаза, но вместо этого он уставился на лицо старухи. Он все еще не мог поверить, что эти ступни, это лицо и этот голос принадлежат одному человеку.

– Моего врага зовут старость, но доктор Ицкович упрямо лечит меня от артрита, – сказала Фаина Дмитриевна, снимая наушники.

– Я в магазин пойду, вам взять чего-нибудь? – спросил Юра, не зная, куда деть глаза. Наконец он придумал глянуть на холодильник. Пузатый ЗИЛ почуял, что на него обратили внимание, и довольно заурчал в углу.

– Принеси мне, светик ясный, яблочек молодильных и воды живой.

– Какой воды? – переспросил Юрий.

– Минеральной, – уточнила Фаина Дмитриевна, – «Боржоми», если будет.

Коновалов кивнул и вышел. Когда он вернулся из магазина, Фаины на кухне не было. Он оставил на столе бутылку минералки и три огромных красных в черноту яблока, сунул недопитый по дороге из магазина кефир в холодильник и пошел в город. Проходя по коридору, заметил, что красная дверь приоткрыта. Видимо, хозяйка была там.

На городской пляж идти не хотелось. Фаино сравнение цепко, как клещ, впилося в сознание. Он стоял спиной к морю, а мимо него шли семьи, нагруженные пляжными сумками, плавательными кругами и игрушками. Брели семейные пары, кто в шортах, кто в сарафанах, а кто в одних купальниках. Тащились, едва переставляя ноги, старички и старушки в старомодных панاماх. Шли, цокая каблуками по раскаленному асфальту, загорелые красотки в полупрозрачных халатах. И в каждом из них виделось Юрию похотливое чудовище, берущее море против его воли.

Коновалов махнул рукой небрежно, без особой надежды на удачу. Откуда ни возьмись рядом появилось «рено». Водительское стекло опустилось, и улыбающийся водитель спросил:

– Куда едем?

– Можете отвезти меня туда, где есть море и совсем нет людей? – попросил Юра. Водитель понимающе кивнул.

Ехали долго. Город постепенно убывал, дома становились все ниже и беднее, пока не закончились вовсе. Коновалов молча смотрел в окно, туда, где огромное море пестрело барашками волн.

Сорок минут спустя машина свернула вправо, на грунтовку, и метров через пятьсот остановилась. Таксист вышел из машины, глянул вниз, довольно махнул рукой, мол, выходи.

– Повезло, никого нет. Вон там тропа, – ткнул он пальцем, – спустишься, и ты на месте. Я через два часа за тобой приеду, идет?

Юра поблагодарил водителя, заплатил ему вдвое больше, чем тот просил, и пошел по тропе. Таксист ревниво смотрел ему в след.

– Ты только это... не рассказывай никому об этом месте, ладно? – крикнул он, когда Юра уже спустился, раздался шум двигателя, и наступила тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.